

Вот уже больше года я неотступно думаю об этом человеке. Мы теперь часто видимся, я знакома с его семьей, близкими друзьями. Мне кажется, я знаю, что именно ответит он на каждый вопрос. Я понимаю его, когда он молчит — думает и когда молчит — слушает. И все же каждый раз, когда я его вижу, мне кажется невероятным, что этот человек, который учился в нашем ВГИКе, слушал те же или почти те же лекции, читал те же книги, ходил по улицам Тбилиси и Москвы, видел и знал то же, или почти то же, что все другие, так полно и глубоко воспринял боль и страдания людей, так точно и так своевременно понял наши трудности и старался нам помочь. Помочь, как только и способно помочь искусство, открыв человеку зрение на самого себя. Ключевые слова для такой личности, если допустить сугубую краткость, — долг, сострадание, вера.

Спокойная ясность каждого из трех фильмов — «Мольба» (1968), «Древо желаний» (1976), «Покаяние» (1984) — и всех вместе поразительна. Мне приходилось слышать, что трилогией фильмы эти можно назвать лишь условно, что автор вовсе не думал о трилогии, приступая к «Мольбе». Но в том-то и сила этой работы, что рождена она не замыслом создать эпохальное нечто, а естественным ходом развития идей, думания и чувствования. И если бы сегодня режиссер не назвал свои фильмы трилогией, мы, зрители, могли бы, имели бы все основания объединить их.

Один писатель, посмотрев картины в иной последовательности, предложил свою расстановку фильмов; многие пытались определить «самый сильный» или, скромнее, «самый любимый» свой фильм — это только свидетельствует о живом восприятии мира, созданного художником.

Мне, однако, хотелось бы пройти с читателем тот путь, которым шел автор. Это очень важно для нас и уважительно к искусству. От нас потребуются, как сказал поэт, только «мысли честная работа». Дело в том, что все мы очень смелые и прогрессивные, когда общественная волна поднимает нас. Сегодня, в пору перестройки, или, вспомнив, в шестидесятые послесредовские годы оттепели какими революционерами казались мы друг другу. Но что происходит с людьми в годы общественного спада, безвременья, застоя, как теперь говорят, — куда девается социальная активность? Отчего так склоняются головы? Откуда берется терпимость к безобразиям? Отчего равнодушнозираем мы, как гибнут герои? Куда испаряется наша смелость и вера в свои возможности? Наше индивидуальное нравственное сознание слишком зависимо от общих установок, традиций, норм, оно сковано, и тем мы обескровлены, обессилены перед лицом многих испытаний.

Итак, друзья, вернемся в 1968 год, год выхода на экраны фильма «Мольба».

Что же происходило во второй половине 60-х годов? Нет, разумеется, не было никаких партийных документов, отменивших курс XX и XXII съездов, но ориентация изменилась, большинство это поняли и смирились. Смолкли дискуссии, отшумели журнальные бои, кроме «Нового мира», все, кажется, успокоилось, устоялось. Пожухли нравственно-этические декларации, упростились эстетические программы, все по своим углам. В кино это время больших фильмов, зачатые в оттепель, явились они миру, — но и время глубоких огорчений: не выпущен фильм Тарковского «Андрей Рублев», избит, изранен фильм Кончаловского «История Аси Клячиной...», ползком, по клубным экранам — фильм Муратовой «Короткие встречи», закрыт фильм Климова «Агония»; не выпущен «Скверный анекдот» Алова — Наумова; отвержены фильм «Комиссар» и автор Аскольдов... В кинематографе аритмия, творческая воля многих людей парализована.

В это труднейшее время в тесных монтажных старого здания киностудии «Грузия-фильм» режиссер Тенгиз Абуладзе собирает, нота к ноте, свой фильм-симфоническое творение, фильм-симфонию, фильм-притчу о борьбе Поэта со Злом. Он понимает: зло многолико, добро всегда добро. Современники оказались в беде, в который раз вбивают нам в голову, что от нас ничего не зависит: что может один против многих?

Что может один против многих? Один против толпы? А если — один нравственный герой?..

Опираясь на поэмы Важа Пшавелы, режиссер рассказывает нам величайшую драму — драму противостояния нравственного сознания индивидуума этическим установлениям определенного человеческого сообщества, толпы, деревни, рода-племени.

Храбрый сын древнего рода охотник Алуда Кеталаури, убив врага, отказывается рубить ему десницу. Противник был мужествен и смел, в честном бою победил героя Алуду, но подчиниться требованиям рода — унижить убитого противника — он не хочет. Нравственное сознание

его восстает против дикости и бесчеловечности обычной гор. И тогда община вершит суд, сжигает его дом. Пройдя через непонимание, душевную глухоту, жестокость, испив до дна чашу страдания, изгнанный из родной деревни Алуда Кеталаури не винит в своей судьбе народ, по-прежнему любя его и веря в его будущее прозрение.

Пять черных фигур — изгнанник и его семья уходят в бесконечность, белое пространство застилает экран — белое, высветленное пространство вечноности.

В другой поэме мы снова видим, как нравственное сознание одинокого героя возвышается над этическими установлениями, которыми живет деревня. На этот раз закон кровной мести создает пропасть между людьми, приводит к насилию над здоровым смыслом и благородством души.

«Мольба» напряженным драматизмом образов, строгостью формы, суровостью своего откровения ввергла зрителя в

ная красота торжествует. Снова режиссер заставляет нас понять, что индивидуальное, нравственное сознание может возвыситься над моральной догмой, управляющей и властвующей в толпе. И если в «Мольбе» он вел зрителя к мысли, что борьба со злом возможна, то «Древо желаний» усиливает этот мотив: борьба со злом необходима, не только возможна.

Так из фильма в фильм, обретая новые аргументы, мотив нравственного противостояния звучит все более мощно.

И НАКОНЕЦ «Покаяние» — современная притча о вседозволенности власти, о том, к каким последствиям она может привести, фильм-реквием нравственным героям.

Два фильма сделаны на основе литературных произведений, третий — на материале жизни. Судьбы живые и близкие, страдания неизжитые, боли неутраченные. Письма, воспоминания, рассказы современников о периоде сталинских репрессий бы-

ЗОВУ ЖИВЫХ

О трилогии Тенгиза Абуладзе

трагедию. Толпа вершит неправый суд, насилие торжествует, жестокость заявляет свои права, но во имя восстановления гармонии, во имя истины и природы вещей поднимается из глубин человеческих нравственный герой. Он идет на Голгофу, спокойный, и его просветленная улыбка любви, а не ненависти остается нам как надежда. Ищите опору в себе, нравственное сознание индивидуума — залог нашего возрождения.

«Мольба» появилась в 1968 году, она шла по задворкам проката, словно таясь чего-то. Госкино определило фильму третью категорию (печатать уже сообщала, что в 1987 г. категория была пересмотрена и «Мольбе» — дали высшую). Но тогда впереди фильма летела молва, созданная отчасти самими прокатчиками: фильм сложный, непонятный, зритель его смотреть не будет. Так что во многих конторах проката, получив копию, вообще ее не показывали.

Послание художника не дошло до адресата. Это было грустно, но надо было работать и мысль досказать, доиграть...

ПОСЛЕ суровой поэтики «Мольбы», ее черно-белого нервного графического контраста, после высокого слога Важа Пшавелы фильм «Древо желаний» кажется лирической акварелью, яркой и нежной, акварелью с душой народного эпоса. Книга Георгия Леонидзе, послужившая основой для сценария, состоит из множества новелл, она переносит нас в грузинскую деревню дореволюционной поры. Короткие рассказы — это и личные наблюдения, и знание жизни, быта, обычаев и совершенно особое, пронзительное видение людей, их слабостей, привычек, странностей. Какие удивительные чудачки — мечтатели и неистовые бунтари — и какие темные силы — сельский староста и востелиница морали, устоя, традиции. Абуладзе сделал картину, в которой трагедия зреет подсудно и неумолимо. Там, где насилие над личностью допустимо, где фарисейство в почете, там и деву святую распятать могут.

Простая крестьянская девочка, с улыбкой богини красоты, Марита любила птиц и цветы, и небо, и, может быть, доброго парнишку соседа Гедиа. — во всяком случае он был частью ее светлого, радостного мира. Но отдала Мариту в богатый дом, за нелюбимого, и что-то случилось с девочкой, перестала она слышать пенье птиц, шелест листьев, «лучше умереть, чем так жить». Но пришел однажды Гедиа повидать Мариту, то ли сон это был, то ли правда... «Уйди, Гедиа, уйди», — сказала Марита. Зато в яви случилось то, чему слов не найдут человек, если есть у него сердце.

В серой дымке дождливого утра Мариту верхом на осле везут по деревне. И толпой, потерявшие разум, сельчане идут, спотыкаясь, по размокшей дороге и комья грязи кидают в Мариту...

«Что вы делаете, люди, стойте! — чудачки бросались наперез. — Разве вы люди? Душегубы, злодеи!». Но смела толпа всех и все, что противилось догме.

Под колокольный бой с улыбкой прощения и жалости к неразумным людям, унизившим себя жестокостью и несправедливостью, умоляет Марита. Здесь, кажется, зло и жестокость в такой мере разоблачают себя на фоне истинной красоты человека, что истинно распятая, чело-

ли записаны, собраны и стали фундаментом художественного и философского замысла.

Не так часто художественное произведение становится событием в жизни страны. «Покаяние» такой случай, значение его не только для искусства, но и в политической общественной жизни огромно. Советские и зарубежные журналисты окрестили фильм «первой ласточкой перестройки». Полезно, однако, знать, что фильм был задуман и снят (1981—1984) до наступления новых времен, и это не только подтверждает авторитет искусства, но и свидетельствует, сколь глубоко корни нынешней политики партии в сознании людей.

Память наша никогда не исчезала, и не думать о трагических страницах истории мы не могли. После XX съезда партии, можно вспомнить, появились литературные произведения, мемуары, фильмы о культуре личности, терроре, нарушении законности. Потом эта тема в искусстве была закрыта, образовалась дистанция в двадцать лет. Теперь же, когда обнаружены произведения, многие годы ожидавшие встречи с читателем, находят люди, которые возражают против правды до конца. Им кажется, что они заботятся о молодежи, хотя достаточно взглянуть на молодежь, выросшую в обстановке, когда правда принеслась в жертву таким же рассуждениям, чтобы понять: именно ложь, полуправда растлевает молодых, порождает духовный вакуум, пустоту и безверие. Думать о потомках, значит оглянуться сегодня на то, что пройдено, на самих себя. Наши ошибки — на наших плечах, и не надо делать вид, что мы не сгибаемся под тяжестью этой ноши. Правда многого стоит, она открывает второе дыхание обществу.

Жизнь и смерть Варлама Аравидзе, городского головы, повинного в страданиях людей, проходит перед зрителями, воссозданная памятью героини фильма Кетеван Баратели. Ее месье, ее протест, отчаяние, непримиримость и есть тот урок, который дает нам история. Пока находятся люди, которые защищают Варлама, он живет и продолжает разлагать общество.

«Покаяние» — не бытовая картина, здесь вымысел и правда — в единой реальности человеческого сознания. Для передачи сложнейших состояний души, видений, предчувствий, снов режиссер находит точные психологически мотивированные решения. Он вглядывается в жизнь совершенно особым способом и позволяет нам осознать, что же происходит в душе человека.

А здесь, в финале статьи, нужна фотография: Тенгиз Абуладзе в окружении соратников по искусству и по жизни. На ней обязательно должны быть сценаристы — Анзор Салуквадзе, Резо Квеселава, Реваз Инанишвили, Нана Джанелидзе; поэт Михаил Квливидзе; операторы — Александр Антипенко, Ломер Ахвледиани, Михаил Агранович; художники — Реваз Мирзашвили, Георгий Микеладзе; монтажер — Гулико Омадзе; артисты — Автандил Махарадзе, Сесилия Такайшвили, Верико Анджпаридзе, Спартак Багашвили, Русудан Кикинадзе, Рамаз Чхиквадзе, Тенгиз Арчвадзе, Гейдар Палавандишвили, Отар Мегвинетухуцеси, Зураб Капанидзе, Нана Кавтарадзе, Лика Кавжарадзе, Сосо Джачвлиани, Заза Колелишвили, Коте Даушвили, Софико Чиаурели, Кахи Кавсадзе, Мзия Махвиладзе, Зейнаб Боцвадзе, Кетеван Абуладзе, Эдишер Гиоргобiani, Ия Нинидзе, Мераб Нинидзе...

Такой фотографии нет — им было некогда, они всегда работали!

Н. ИСМАИЛОВА.